

Российский обрабатывающий сектор – пора за флажки¹

А.В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук
E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4068-5951
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. В статье обосновывается неприемлемость стратегии пассивного встраивания российской экономики в глобальную. Рассматриваются особенности процесса трансформации национальной экономики в экономику ресурсного типа, обсуждается нарастающая необратимость данного пути развития. По мнению автора, некритическое отношение к происходящим в мировой экономике процессам – основа для подмены базовых ролей государства в регулировании экономики, смещения фокуса с создания условий для развития национального производителя ко все более жесткому контролю над постепенно сжимающимся под давлением глобальной экономики национальным рынком товаров и услуг. На основе международных сопоставлений доказывается недопустимость проводимой инвестиционной политики в обрабатывающем секторе российской промышленности, предлагаются решения, позволяющие начать восстановление обрабатывающих производств с учетом имеющихся финансовых возможностей.

Ключевые слова: глобальная экономика; стратегии развития; институты; промышленная политика; качество экономического роста; обрабатывающий сектор; инвестиции; международные сопоставления

Глобальная экономика как институт перераспределения экономического счастья

Россия, на протяжении столетий обладавшая не до конца осознанным, но сильным глубинным импульсом к экспансии – вначале территориальной, позднее геополитического влияния, в конце XX века вдруг этот импульс утратила. Мессианская по своей сути идея – построение коммунизма как основы счастливого будущего человечества и альтернативы существующему миропорядку – оказалась недостижимой, во всяком случае в изначальном теоретическом виде и, тем более, сроки.

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Вместе с тем вскоре после окончания Второй мировой войны сначала в Западной Европе, а затем и в мире в целом начали складываться условия для интеграции национальных экономик. Теоретические подходы к обоснованию интеграционного процесса были разработаны учеными стран, оказавшихся наиболее готовыми к экономической интеграции и заинтересованными в ней – Франции и Германии (М. Аллэ, М. Бийо, Ж. Вейер, Х. Кремер, А. Предоль, В. Рёнке, Х. Юргенсен, Р. Эрбэ) [Буеау, 1950]. Однако самыми известными стали работы исследователей малых стран Западной Европы – Нидерландов и Швеции – Я. Тинбергена [Tinbergen, 1954] и Г. Мюрдаля [Myrdal, 1971].

На этапе становления теории глобальной экономики в ее фокусе оказались процессы эффективной реаллокации отдельных производств, снижающие затраты в мировых цепочках создания стоимости, соответственно, повышающие эффективность функционирования мировой производственной системы в целом [Некипелов, 2003]. Необходимость реаллокации в свою очередь определялась желанием развитых стран переложить бремя содержания промышленных предприятий (особенно оказывающих негативное влияние на окружающую среду) на менее развитые [Nugent, 2004]. Попутно решался значительный блок социальных вопросов, сопутствующий наличию в экономике большого числа работников с невысокой квалификацией.

Развитым странам предлагалось сосредоточиться на определении стратегии, формате, дизайне развития и охране прав на интеллектуальную собственность вынесенного за их контур индустриального производства [Шваб, 2016]. Права на интеллектуальную собственность оставались в развитых экономиках, что позволяет перераспределять создаваемый в рамках глобальной экономики продукт в их пользу [Wessner, 2012]. Основа воспроизводства данной системы – концентрация ресурсов развития в преуспевающих странах. Чем меньше ресурсов удастся оставить в развивающихся экономиках, тем устойчивее предложенная система мировых отношений. Так, известный экономист, представитель Всемирного банка Д. Доллар, сравнивая процесс набирающей силу глобализации со скоростным поездом, прямо говорит, что отдельные страны могут попасть в него, только

«построив платформу», что не под силу бедным. Иными словами, основные «блага глобализации» получают лишь развитые государства².

Идеологический посыл подхода – пусть каждый специализируется на том, что умеет делать лучше всех – с одной стороны, создает основу для перераспределения вновь созданной стоимости в пользу *правообладателей* на нее, а с другой – фиксирует сложившееся *разделение труда* на неопределенное время. Действительно, если кто-то может делать комплекующие, а кто-то обладает правами на технологию их производства, так тому и быть.

Предложенный подход выводит за скобки вопрос о конкурентоспособности национальных экономик. Согласно теории, выигрывает экономика в целом (глобальная), соответственно, как часть целого, выигрывают и национальные экономики. Тезис, спорный сам по себе, оставляет в тени вопрос о цене такой эффективности для каждого из игроков. Действительно, если отдельные национальные товаропроизводители находят свое место в глобальной экономике, это еще не означает, что их достаточно, чтобы экономика страны чувствовала себя нормально.

Еще более очевидна ее уязвимость от остального мира – не обладая внутренней целостностью (национальные компании если и связаны друг с другом, то через международные цепочки создания стоимости), национальная экономика критически зависит от внешних факторов [Афонцев, 2002; Фирсов, 2012]. Стоит цепочке создания стоимости измениться (в силу технологических или иных причин), национальные компании оказываются в весьма уязвимом положении [Рогов, 2020].

Проблема резко, если не фатально, обостряется, когда страны, обладающие рыночной властью, начинают считать, что национальные элиты проводят политику, не отвечающую их интересам. Достаточно переформатировать международную цепочку создания стоимости, исключив из нее компании неудобной страны и заменив их любыми другими из многочисленных желающих, попутно введя ограничения на экспорт и импорт неудобной

² Материалы Всемирного банка для учащихся. Статья Глобализация [Эл. ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml>. (дата обращения: 21.10.2020).

страны, и национальный суверенитет начинает таять подобно улыбке чеширского кота.

Интеграция в глобальную экономику. Сдача ключей

Российское общество, отказавшись от оборонительной стратегии защитников осажденной крепости с внутренним обобществлением и планированием всего и вся, которой оно следовало несколько десятилетий, качнулось в другую крайность – полную открытость миру – с какой-то детской верой в непогрешимость объективных рыночных законов и едва ли не делегированием разработки национальных интересов глобальной экономике.

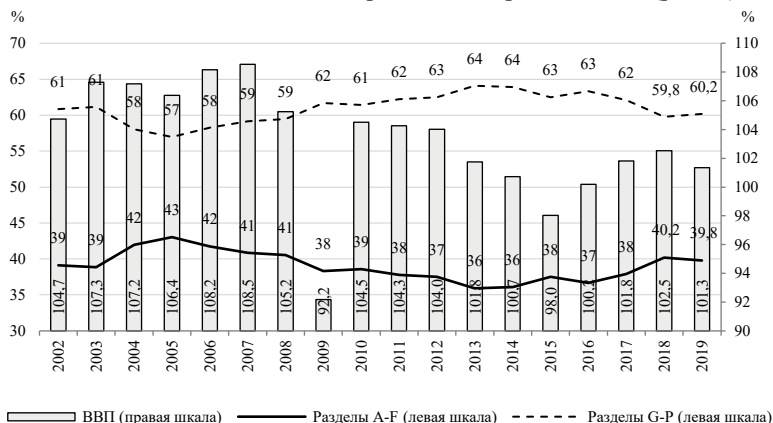
Очарованная перспективами повышения своей эффективности, российская экономика с готовностью сбросила балласт производств, оставшихся в наследство от Советского Союза. Балласт оказался неожиданно большим, но к жертвам во имя торжества идеи российским гражданам не привыкать. Так, «за 16 лет нового века производство снизилось по 1/5 видов продукции добывающих производств, 1/3 – обрабатывающих и 40% – машин и оборудования. В 2017–2018 гг. когда, казалось бы, экономика уже должна адаптироваться и к санкционным, и нефтяным шокам, ситуация не улучшилась. В 2018 г. по 40% позиций обрабатывающих производств было произведено меньше продукции, чем в 2016 г., а по машинам и оборудованию – и вовсе почти по половине» [Алексеев, Кузнецова, 2020. С. 14].

При этом теория утверждала, что потеря значительной части промышленности – это вовсе не жертва, а фактор повышения эффективности. Действительно, раз в России хорошо умеют добывать сырье, а остальной мир хорошо умеет производить из него товары, то чем меньше в РФ это сырье будут перерабатывать (*портить*), тем лучше. *Эквивалентный обмен* сырья на продукцию обрабатывающих производств, сельского хозяйства, торгуемые услуги, производимые в более подходящих условиях – вот что нужно российской экономике!

Как пишет Э. Райнерт, «волна глобализации усугубила разрыв между богатыми и бедными странами благодаря тому, что колониям, согласно устоявшейся практике, не позволили

индустриализоваться. Пока последняя волна глобализации основывается на тех же принципах, что и первая, т.е. пока бедные страны вынуждены специализироваться на производстве сырьевых товаров, она будет не более успешной, чем первая. Разница между бедными и богатыми странами будет увеличиваться, хотя при этом в мире может появиться еще несколько богатых стран» [Райнерт, 2021].

На первый взгляд, выбранный Россией нарратив работал достаточно успешно. До мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. ее ВВП быстро рос. Правда, не менее быстро менялась и его структура: опережающий рост услуг сопровождался снижением доли материального производства (рис. 1).

Источник. URL.: www.gks.ru (дата обращения: 20.01.2021).

Примечание: Разделы А-Ф: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство. Разделы Г-Р: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; деятельность профессиональная, научная и техническая; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; деятельность домашних хозяйств.

Рис. 1. Структура валовой добавленной стоимости и темпы роста ВВП в 2002–2019 гг., %

Такая динамика не рассматривалась как проблема, скорее, наоборот: экономика ведь становится *постиндустриальной*, а это прогрессивно. Мнение академического сообщества, что правильнее говорить не о *пост*, а о *недоиндустриальности*, игнорировалось.

Простое соображение, что рост доли услуг в ВВП РФ, в значительной части ставший возможным в результате получаемой ренты от продаж углеводородов на мировом рынке, критически зависит от ее масштабов, и может столь же быстро упасть в случае ее сокращения, всерьез не рассматривалось – всем же ясно, что сырье в современном мире только дорожает. Соответственно, нет смысла обсуждать и такой *умозрительный* вариант развития событий, как невозможность компенсации сокращения создания стоимости в услугах через активизацию деятельности в материальном производстве (к тому же этот сектор ведь все равно уже существенно разрушен).

Данные Росстата, правда, говорят совсем о другом. Так, коэффициент корреляции динамики доли обрабатывающих производств в структуре валовой добавленной стоимости и темпами роста ВВП составляет 0,91. Корреляция не дает ответа на вопрос, что в данной взаимосвязи является причиной, а что следствием, но характер связи однозначен: высока доля обрабатывающих производств в совокупной добавленной стоимости, высоки и темпы роста ВВП, верно и обратное. Впрочем, вопрос: кому верить – данным Росстата или сигналам глобальной экономики – риторичен.

Государство и управление экономикой.

Подмена целей

По-видимому, лишь обострение санкционной политики западных стран в 2014 г. наряду с падением цен на основной продукт российского экспорта – энергоносители, не позволили России пройти точку невозврата на пути к полной потере экономического, а, следовательно, и политического суверенитета, хотя оставалось уже совсем немного.

Тем не менее быстрое ужесточение санкционного режима, наложившееся на устойчивое снижение мировых цен на минеральные ресурсы, не стало новым драйвером развития. «Ключевой вызов, с которым столкнулась российская экономика

в настоящее время, состоит в том, что в результате действия мер, направленных на парирование внешних вызовов и угроз, так и не были созданы условия для устойчивого экономического развития» [Порфирьев и др., 2020. С. 4].

В рентоориентированной экономике России вследствие ее далеко зашедшей интеграции в мировую созданы целые секторы, завязанные на импорт [Крюков, 2020. С. 49]. Казалось бы, если *вдруг* западные партнеры стали освобождать ими же созданные (захваченные) позиции – это прекрасная возможность для российского бизнеса в условиях гарантированного спроса (что не так уж часто встречается в рыночной экономике) спокойно зайти на освободившееся место. Но не случилось.

Точнее, события пошли по *post factum* легко объяснимому сценарию. В оборонных отраслях, где и раньше идея повышения эффективности за счет использования выгод международного разделения труда была не слишком популярной, а о *невидимой руке* рынка и вовсе никто не вспоминал, были предприняты серьезные усилия, позволившие, пусть и в недостаточном масштабе, но все же создать минимально необходимый для обеспечения национальной безопасности паритет с несопоставимо более мощным в экономическом отношении коллективным Западом. Насколько эффективны в экономическом смысле были предпринятые усилия, говорить, в силу закрытости оборонного сектора, трудно. Однако с учетом конкурентоспособности отечественной продукции военного назначения по качеству и цене на мировых рынках дела здесь обстоят, по-видимому, неплохо. Да и в несырьевом экспорте доля такой продукции весьма заметна на фоне других отраслей, где производство регулируется в существенно большей степени рыночными методами.

В гражданском секторе ситуация хуже. Почему? По нашему мнению, дело в российской системе институтов, не адекватной современным вызовам. Российская институциональная система сконфигурирована под выполнение государством функции контроля экономической деятельности, но не под ответственность за ее результаты. Действительно, результаты предпринимательской деятельности уже давно определяются не только, а в действительности и не столько традиционным стремлением бизнеса максимизировать свою прибыль, сколько стратегическим видени-

ем национальными элитами места своей экономики в глобальной, а также сложившимися нормами и правилами, за соблюдением которых государство внимательно следит.

Стратегическое видение будущего РФ сформулировано непосредственно [Полтерович, 2020]. Так, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации достаточно четко сказано о «больших вызовах для общества, государства и науки»³. Но более поздние официальные документы стратегического характера весьма невнятно объясняют, как на эти вызовы отвечать.

Например, в недавно принятой Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года⁴ сказано: «Целью Стратегии является формирование в Российской Федерации промышленного сектора с высоким экспортным потенциалом, способного конкурировать в глобальном масштабе, обеспечивающего достижение национальных целей развития» (С. 8). Формулировка звучная, но не акцентирующая внимание на том обстоятельстве, что наличие промышленного сектора с высоким экспортным потенциалом вовсе не означает создание относительно независимой национальной экономики. Действительно, много ли пользы от отдельных конкурентоспособных экспортноориентированных производств в условиях

³ Среди них: «а) исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов; б) демографический переход ... что ... приводит к новым социальным и медицинским проблемам, в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций; в) возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов...; г) потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России ...; д) качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем ...; е) новые внешние угрозы национальной безопасности (в том числе военные угрозы, угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан), обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью, и усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности; ж) необходимость эффективного освоения и использования пространства...». Стратегия научно-технологического развития РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. С. 7.

⁴ Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса. URL: <https://nangs.org/docs/pravitelstvo-rf-rasporjazhenie-ot-06-06-2020-g-1512-r-svodnaya-strategiya-razvitiya-obrabatyvayushchej-promyshlennosti-rossijskoj-federatsii-do-2024-goda-i-na-period-do-2035-goda-pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

критической зависимости народного хозяйства от продуктов, технологий и услуг, доступ к которым может быть перекрыт в любой момент, а поставки на экспорт *конкурентоспособных экспорториентированных производств* точно так же в одночасье заблокированы?

Симптоматично, что текст данного документа (как и многих других) представлен не в формате стратегии как плана достижения цели, а, скорее, в виде прогноза того, что представляется, как минимум, желательным, и, как максимум, возможным. Прогноз же не требует обоснования ни приоритетов развития, ни системы целевых показателей, ни объяснения их напряженности.

Отчасти этот самоубийственный для ослабевшего центра мировой силы подход объясняется убеждением, что все же лучше вручить судьбу страны рынку, а не конкретным людям: каким бы несовершенным ни был рынок, люди еще менее совершенны. Как бы то ни было, Россия закономерно стала быстро превращаться в сырьевой придаток развитых стран с гипертрофированным относительно ее реального производственного потенциала сектором услуг и исчезающей, фрагментирующейся обрабатывающей промышленностью.

Подчеркнем, развитые страны могут позволить себе иметь высокую долю услуг в структуре ВВП в силу отмеченного выше контроля над интеллектуальной собственностью. В России ситуация иная. Выбранная стратегия развития закономерно привела к тому, что если в 2000 г. доля минеральных ресурсов в товарной структуре экспорта РФ составляла 54%, то в 2018 г. – уже 65%, машин, оборудования и транспортных средств, соответственно, 9% и 6,5%⁵.

Сказав «А» – делегировав выработку целей национального развития и средств их достижения рынку – уже проще было сказать «Б»: мобилизовать государственные органы на осуществление функции контроля за чистотой исполнения рыночных законов. Если российский бизнес и смирился (приспособился) к традиционно слабой защите своих прав, то адаптироваться к догматической трактовке принципа свободной конкуренции

⁵ URL: <http://gks.ru> Товарная структура экспорта Российской Федерации (дата обращения: 20.02.2021).

оказалось невозможно. Действительно, конкурировать с национальным производителем не просто, но это нормально. Иное дело – с сильным иностранным, взрожденным и поддерживаемым всей политической и экономической мощью родного государства.

Российскому инвестору не повезло: предприниматель, задумавший создать новый для России, но не обязательно для глобальной экономики, бизнес, может рассчитывать лишь на весьма ограниченную поддержку со стороны своего государства. Неудивительно, что в таких условиях российский гражданский сектор экономики, по меркам глобальной экономики, являющийся дворовой командой, продолжает ею и оставаться.

Российский обрабатывающий сектор – недопустимая бедность бытия

Что требуется для перехода в высшую лигу? Канонический ответ известен: воля, идея и деньги, причем именно в такой последовательности. Рассмотрим, что собой представляет объект российская экономика, (в первую очередь ее обрабатывающий сектор), по отношению к которому эти факторы применимы.

Современная экономика – это единство производственной и непроизводственной деятельности. Противопоставлять их бессмысленно, хотя приверженцы глобальной экономики традиционно большее внимание уделяют развитию сферы услуг. Согласно их подходу, создание архитектуры продукта/услуги, формирование на него/нее спроса, разработка технологии производства – это прерогатива стран с высоким качеством человеческого капитала [Cowan et al., 2001]. Производство же конечной продукции – задача для современного мира сравнительно простая, буквально техническая. Выше рассматривался механизм превращения таких *технических* задач в почти неразрешимые даже не экономические, а политические проблемы.

Росстат представляет данные о текущей рыночной стоимости основного капитала РФ. На начало 2019 г. (более поздних данных нет) она составила почти 371 трлн руб. (147 трлн руб. из них – стоимость жилых зданий, одной из важнейших составляющих качества жизни в России). Рыночная стоимость основного

капитала в РФ без жилья, таким образом, составляет 224 трлн руб. Доля базовых материальных отраслей (сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств) в этой сумме не слишком велика – 24% (53,7 трлн руб.)⁶, из них 21,5 трлн руб., или 9,6%, приходится на обрабатывающую промышленность.

Таким образом, фонды стоимостью 21, 5 трлн руб. – это то, что составляет материальную основу нашего выживания в случае возможного глобального локдауна (запрета на экспортно-импортные операции со стороны *мирового сообщества*). Данная перспектива, представлявшаяся совершенно фантастичной всего несколько лет назад, становится все более реальной. При этом количество торговых партнеров РФ не имеет большого значения, важна их реакция на угрозы вторичных санкций со стороны правительств развитых стран, к которым они, как показывает опыт, чрезвычайно чувствительны.

Отмечу, что вероятность возникновения такой ситуации, очевидно, тем выше, чем слабее национальный обрабатывающий сектор, и наоборот. Фокус именно на обрабатывающих производствах связан с тем, что и добывающие производства, и сельское хозяйство, и все остальные виды экономической деятельности без подпитки продукцией обрабатывающей промышленности быстро сходят на нет.

Объем 21, 5 трлн руб. – это много или мало? Сравним с текущей рыночной стоимостью основного капитала обрабатывающих производств в США. На начало 2019 г. она была чуть больше 4 трлн долл. Простой пересчет российских фондов в доллары по биржевому курсу некорректен – расчет необходимо проводить по паритету покупательной способности рубля к доллару для инвестиций в основной капитал.

Данные по ППС по ВВП публикуются ежегодно, а по ППС для основного капитала последние официальные цифры есть за 2017 г. (34,02 руб./долл.). В 2018 г. ППС по ВВП составил 24,05 руб./долл. При предположении, что отношение ППС по ВВП к номинальному курсу доллара и ППС для основного капитала к номинальному курсу доллара примерно одинаково, получим расчетное значение ППС для основного капитала

⁶ Жилых помещений на балансе этих отраслей нет.

в 2018 г. – 35,04 руб./долл. Тогда рыночная стоимость основного капитала в обрабатывающих производствах РФ на начало 2019 г. составила около 614 млрд долл. – примерно 15% от уровня США. Даже с учетом того, что население РФ в 2,2 раза меньше американского, это очень мало.

Впрочем, и высокая стоимость основных фондов в обрабатывающих производствах – это еще не гарантия выживания национальной экономики в случае реализации *остальным миром* стратегии ее удушения (введения достаточно жестких ограничений на экспортно-импортные операции). Действительно, обрабатывающие производства – это не только металлургия, химия, машиностроение, но и пищевая, легкая, мебельная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность. Противопоставление этих кластеров отраслей с точки зрения их значимости для социально-экономического развития, очевидно, нелепо. Тем не менее наличие в экономике первой группы отраслей дает возможность создавать, поддерживать и развивать вторую группу (при выполнении, правда, значительного количества дополнительных ограничений). Отсутствие же (или слабость) первой группы в условиях жесткой международной изоляции – уже приговор для второй.

Оценить стоимость фондов первой группы отраслей не просто. Росстат не предоставляет данные ни по их рыночной, ни по первоначальной или остаточной стоимости. Можно лишь сказать, что на первую группу отраслей приходится примерно $\frac{3}{4}$ всех инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств (при этом примерно $\frac{1}{5}$ всех инвестиций в обрабатывающие производства приходится на производство кокса и нефтепродуктов), соответственно, на вторую группу остается $\frac{1}{4}$. Почти идентично этим пропорциям распределяется по рассматриваемым отраслям и производимая продукция. Доверительный интервал утверждения, что $\frac{3}{4}$ стоимости основного капитала обрабатывающих производств приходится на первую группу отраслей, а $\frac{1}{4}$ на вторую, конечно, следует обсуждать, но как рабочую гипотезу принять можно.

Тогда рыночная стоимость основного капитала в РФ на начало 2019 г. в металлургии, химии и машиностроении должна

быть оценена в 16,125 трлн руб., или 460,5 млрд долл.⁷ В США аналогичный показатель ожидаемо существенно выше – 3174,3 млрд долл. Можно, конечно, «скорректировать» американский результат с учетом разницы в населении РФ и США – до 1443 млрд долл. (хотя в условиях противостояния двух экономик смысла в таком пересчете немного), но разрыв почти в триллион долларов все равно сохраняется.

Таким образом, один триллион долларов – это тот минимум, который необходимо вложить в российский обрабатывающий сектор (да и то лишь в части металлургии, химии и машиностроения), чтобы только выйти на современный технологический и структурный уровень производственной системы. С учетом того, что рыночная стоимость основного капитала США – падающего мирового гегемона, как в последнее время стало модно говорить – растет быстрее, чем в *стабильной* экономике России, по меньшей мере, с 2015 г., а старые фонды продолжают выбывать, можно ожидать, что рассмотренное значение будет только расти.

Еще раз подчеркнем, что триллион долларов – это дополнительные инвестиции в создание только *мотора для автомобиля*. Понятно, что сделать мотор для спорткара (современный обрабатывающий сектор) и просто поставить его в микролитражку (экономику России) невозможно – необходимо перестраивать всю конструкцию. Мультипликатор затрат здесь следующий: если все инвестиции в основной капитал в 2019 г. в РФ составили 19,3 трлн руб. (531,4 млрд долл. по ППС по основному капиталу), то на обрабатывающие производства пришлось только 2,8 трлн руб. (77 млрд долл.).

Вообще, современные объемы инвестиций в обрабатывающие производства РФ в определенном смысле предельны – это 14% от инвестиций соответствующего уровня в США – порог, который наша экономика не может преодолеть уже более 10 лет. Отметим, что в предыдущем десятилетии – с 2000 по 2009 гг. – эта планка была поднята на 9 процентных пунктов (рис. 2). Таким образом, за прошедшие 20 лет в российский обрабатывающий сектор было вложено примерно в 8,4 раза меньше инвестиций, чем в американский (при разнице в населении в 2,2 раза).

⁷ Расчет по ППС для основного капитала

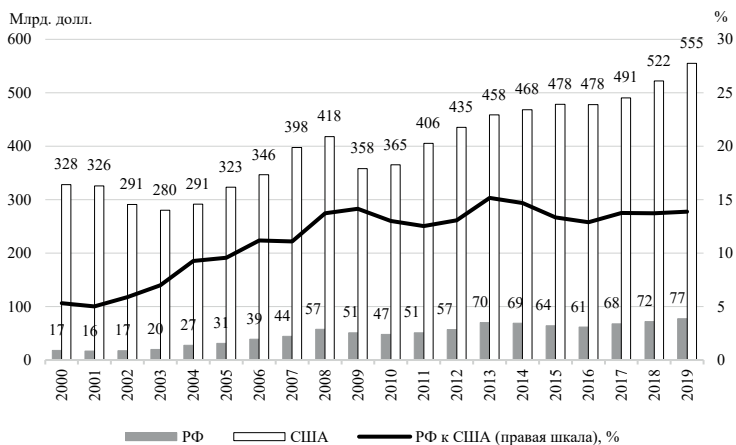

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств США и РФ (РФ по ППС в инвестиции в основной капитал) в 2000–2019 гг., млрд долл.

Российское отставание в инвестициях в основной капитал обрабатывающих отраслей от США, ошеломительное само по себе, все же сродни измерению пресловутой средней температуры по больнице, точнее, – абсолютного уровня этой температуры ее известных отделений. Так, неплохо (относительно американского уровня) выглядят российские инвестиции в производство одежды, изделий из кожи и текстиля, производство кокса и нефтепродуктов, прочей неметаллической минеральной продукции, в обработку древесины, металлургическое производство (с некоторыми оговорками), пищевой продукции.

Зато с инвестициями в производство бумаги и полиграфической продукции, производство химических продуктов и машиностроение (в широком смысле) – беда. Отставание от США здесь десятикратное и более, а в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий просто вопиюще – почти в 100 (!) раз (1865 млрд долл. в США против 22 млрд долл. в РФ за 20 лет) (рис. 3). С 2012 г. ситуация здесь как будто начала меняться к лучшему: в 2015 г. РФ отставала от США *всего* в 50 раз, но в дальнейшем разрыв вновь начал нарастать.

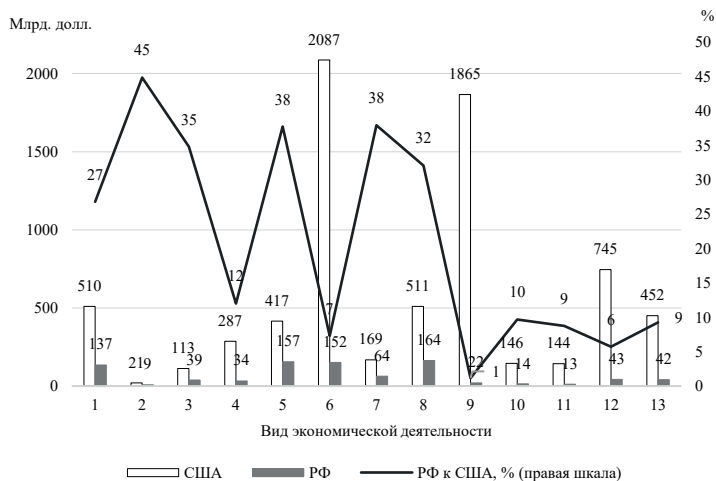

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал США и РФ
(РФ по ППС в инвестиции в основной капитал)
за 2000–2019 гг., млрд долл.

Примечание. 1 – производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий; 2 – одежды, кожи, изделий из кожи и текстильных изделий; 3 – обработка древесины и производство изделий из дерева, мебели; 4 – производство бумаги и бумажных изделий, полиграфическая деятельность; 5 – кокса и нефтепродуктов; 6 – химических веществ и химических продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; 7 – прочей неметаллической минеральной продукции; 8 – металлургическое и готовых металлических изделий; 9 – компьютеров, электронных и оптических изделий; 10 – электрического оборудования; 11 – машин и оборудования, не включенных в другие группировки; 12 – автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; 13 – прочих транспортных средств и оборудования

Время собирать камни

Данные рисунка 3 говорят о том, что опора исключительно на рыночный механизм развития российского обрабатывающего сектора не только не эффективна, но и опасна. Плохо справляясь с развитием данного конкретного сектора, он маскирует консервацию, в тенденции – деградацию других секторов, формирующих основу будущего развития экономики. За разговорами о неэффективности инвестиций в отечественное приборо- и машиностроение (о том, что речь идет о краткосрочном временном горизонте, как и о необходимости учитывать мультипликативный эффект

крупных инвестиционных программ, обычно не упоминается) теряется перспектива развития экономики, закладывается угроза самому ее существованию в случае агрессивных действий со стороны не слишком дружественного России остального мира. О вероятности возникновения такой ситуации уже упоминалось.

Казалось бы, двадцати лет развития *с опорой на рыночные силы* (на фоне бесконечных разговоров о необходимости проведения активной промышленной политики) достаточно, чтобы понять, что рынок ведет российскую экономику не туда, куда нужно гражданам России, а туда, куда необходимо глобальной экономике – в формат экономики ресурсного типа с рядом умеренно развитых секторов, ориентированных на обслуживание потребностей развитого мира.

Но даже если такое понимание и начало появляться, выйти из колеи, в которую попала Россия, не просто. Для этого требуется изменить видение мира субъектам как исполнительной, так и законодательной власти: отказаться от догматизма в экономической теории, четко сформулировать национальные цели развития, распределить имеющиеся ресурсы под их достижение, выстроить адекватную сложности стоящих задач систему управления и, используя потенциал рыночных средств, но не полагаясь на него, заняться восстановлением экономики России.

Рыночный механизм хорош лишь на кратко-, в лучшем случае – на среднесрочном горизонте принятия инвестиционных решений, причем сам этот горизонт критически зависит от качества институциональной системы, сложившейся в конкретном обществе. Российская институциональная система далека от идеала, что сильно сдвигает горизонт планирования рыночных агентов влево по временной шкале. В результате же решения, способные ответить на сформулированные выше вызовы, в рамках рыночного механизма не принимаются. Эти решения, может, и, очевидно, должно принимать государство, но оно в рамках доминирующих теоретических установок во всем, что не связано с социальными обязательствами, обеспечением национальной безопасности и инфраструктурными проектами, ограничивается гораздо менее ответственной и более приятной для себя деятельностью – контролем над рыночными агентами.

Конечно, нельзя сказать, что в данном направлении совсем ничего не делается. Как было показано выше, Правительство

РФ с энтузиазмом одобряет многочисленные стратегии развития отраслей и регионов, разрабатывает различные программы, прогнозы, проекты. Вот только чем глубже погружаешься в море этих документов, тем четче проявляется в них «досанкционное» видение места России в мировой экономике, тем сильнее бросается в глаза нечеткость, уклончивость в ответах на сформулированные вызовы.

В условиях низкой эффективности рыночной модели развития отечественного обрабатывающего сектора государство должно либо взять на себя большую долю ответственности за его развитие, либо (а лучше – и) улучшить институциональную среду. Тогда горизонт инвестиционных решений сдвинется вправо. Замечу, однако, что апгрейд институциональной системы, при всей его значимости, паллиативен – он ориентирован на улучшение условий хозяйственной деятельности частного инвестора, т.е. повышение эффективности. Между тем российский опыт последних десятилетий показывает, что задачи повышения эффективности и ответа на стоящие перед страной вызовы хотя и не противоречивы, но не тождественны.

Говоря о необходимости повышения роли государства в регулировании экономической деятельности, важно правильно понимать эту роль. Речь не идет о национализации частного бизнеса в какой-либо форме или об ужесточении контроля над ним. Не является магистральным путем и создание новых предприятий за счет средств бюджетов различных уровней. Для перезапуска развития отечественного обрабатывающего сектора достаточно дать гарантии инвестору, что его продукция, производимая по результатам крупных инвестиционных проектов, будет защищена от недобросовестной конкуренции со стороны иностранного производителя и востребована на российском рынке. Прецеденты успешного сотрудничества государства и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства есть [Алексеев, Нефёдкин, 2018].

Институт ГЧП – действенный механизм решения стратегических задач национального развития, мобилизующий институты рынка, которые в свою очередь контролируют эффективность решения этих задач. Он даже не требует мобилизации сколько-нибудь крупных государственных (бюджетных) средств для достижения значимых для экономики целей. Однако для его активации необходима конструктивная альтернатива подходу, культивируемому российской либеральной мыслью: почему

российский потребитель должен страдать от неэффективного российского производителя, когда есть эффективный зарубежный?

В действительности российский потребитель *страдает* не столько от неэффективности отечественного производителя, сколько от его отсутствия. Будет производитель – будет основа для решения проблемы его эффективности. Добиться эффективности от слабого производителя, конечно, непросто, но ведь от несуществующего и вовсе невозможно.

Чтобы российский обрабатывающий сектор вышел на уровень развитых стран (в качестве бенчмаркинга взята фондовооруженность рабочего места в обрабатывающих производствах США) с учетом ожидаемой здесь численности занятых, требуется 826 млрд долл. инвестиций [Алексеев, 2020]. Это большие деньги с учетом того, что в 2019 г. в обрабатывающие производства РФ было инвестировано всего 77 млрд долл. (расчет по ППС по основному капиталу), тогда как в США – 555 млрд долл.⁸

Одномоментно довести российский обрабатывающий сектор до западного стандарта производительности невозможно – это достаточно длительный процесс, но хотя бы достичь здесь американского стандарта инвестиций на душу населения, с одной стороны, необходимо, с другой – хотя и с трудом, но на среднесрочном временном горизонте все же возможно. Для этого интенсивность российской инвестиционной программы в обрабатывающих отраслях требуется увеличить примерно в 3,3 раза, т.е. к имеющимся 77 млрд долл. (уровень 2019 г.) необходимо дополнительно изыскать 175,6 млрд долл. в год. На практике едва ли возможно одномоментно увеличить темпы роста инвестиций более чем в полтора раза от сложившегося уровня, да и то лишь по ряду приоритетных подотраслей. Соответственно, гипотетическая потребность в дополнительных инвестициях в обрабатывающий сектор российской промышленности, в случае принятия стратегического решения о необходимости доведения его производственного потенциала до стандартов развитых стран, не превысит 39 млрд долл. в первый год реализации этой программы (в действительности меньше).

Выбор приоритетных подотраслей определяется вопросом, поднятым ранее, – какую экономику мы строим: поставщика

⁸ Расчеты автора по данным Росстата и Бюро экономического анализа (США).

ресурсов для развитых экономик или национальную экономику, способную существовать относительно независимо от остального мира? От ответа на него зависит многое. Так, структуры инвестиций в обрабатывающие производства РФ и США существенно различны. В США основные вложения (более половины от всех инвестиций в обрабатывающий сектор) направляются в производство химических веществ, резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, и производство компьютеров, электронных и оптических изделий.

В РФ приоритеты другие. В выпуск химических веществ также инвестируется много, но еще больше – в производство кокса, нефтепродуктов и металлургию. В производство же компьютеров, электронных и оптических изделий вкладывается даже меньше, чем в обработку древесины и производство изделий из дерева и мебели (таблица).

**Структура инвестиций в РФ и США
в обрабатывающие производства, 2019 г. %**

Инвестиции	США	РФ
Всего, производство	100	100
пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	6,3	12,9
одежды, кожи, изделий из кожи и текстильных изделий	0,2	0,8
обработка древесины и производство изделий из дерева, мебели	1,6	3,1
бумаги и бумажных изделий, полиграфическая деятельность	3,6	4,3
кокса и нефтепродуктов	4,7	20,0
химических веществ и химических продуктов, резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	29,0	20,7
прочей неметаллической минеральной продукции	2,0	3,5
металлургическое и готовых металлических изделий	6,7	16,6
компьютеров, электронных и оптических изделий	22,6	2,3
электрического оборудования	1,8	1,5
машин и оборудования, не включенных в другие группировки	4,7	2,6
автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	8,4	4,0
прочих транспортных средств и оборудования	5,1	6,2
Прочее	3,4	1,5

Источник. Расчеты автора по данным Росстата и Бюро экономического анализа (США).

Публично оспаривать необходимость увеличения инвестиций в обрабатывающий сектор РФ решатся немногие, но, судя по данным таблицы, единства мнений по структуре их роста ожидать не приходится. Нам представляется очевидной необходимость опережающего увеличения инвестиций в производство компьютеров, электронных и оптических изделий; электрического оборудования, машин и оборудования, автотранспортных средств, прочих транспортных средств и оборудования при более умеренном росте инвестиций в другие отрасли [Аганбегян, 2020].

Тогда, в контексте отмеченных приоритетных с точки зрения ускорения темпов роста (в 1,5 раза) инвестиций отраслей это означает необходимость изыскания дополнительно примерно 6,5 млрд долл. в год. Много это или мало?

Чистая международная инвестиционная позиция РФ по состоянию на начало третьего квартала 2020 г. составляла 556,6 млрд долл. Другими словами, РФ кредитовала остальной мир в свьше чем на полтриллиона долларов большем размере, чем остальной мир кредитовал ее. Напомним, вся инвестиционная программа России в 2019 г. составляла лишь 531,4 млрд долл. (расчет по ППС по основному капиталу). При этом в структуре активов, учитываемых при исчислении международной инвестиционной позиции РФ, наличная валюта, депозиты и ценные бумаги (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США) составляли 429,7 млрд долл.⁹ Это те активы, которые под предлогом очередных санкций могут быть заблокированы в любой момент.

Искомые 6,5 млрд долл. на этом фоне – ничто. Развивать российский обрабатывающий сектор или нет – это не экономическое, а политическое решение. Рассуждения о том, что чистое кредитование чужих экономик на полтриллиона долларов – это эффективно, а мобилизация дополнительных 6,5 млрд для запуска процесса преобразования отечественного машино- и приборостроения – нет, это «не про экономику».

Пора признать, что есть время прислушиваться к сигналам глобальной экономики и время ускорять темпы развития собственного технологического базиса, придавать новый импульс

⁹ Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71395 (дата обращения: 21.01.2021).

расширению российского геополитического влияния. Это время пришло.

Литература

Аганбегян А. Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? – DOI: 10.38197/2072–2060–2020–222–2–164–182 // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 164–182.

Алексеев А. В. О повышении рыночной стоимости основного капитала в России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 33–45 (расчетные данные уточнены с учетом обновления данных на сайтах Росстата и Бюро экономического анализа (США)).

Алексеев А. В., Кузнецова Н. Н. Долгосрочные тенденции производства промышленной продукции и инвестиционная динамика в РФ // Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики: монография / под редакцией А. В. Алексеева, Л. К. Казанцевой; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. Гл. 1. С. 14.

Алексеев А. В., Нефёдкин В. И. Поможет ли государственно-частное партнерство выйти из стагнационной ловушки? DOI: 10.30680/ЕСО131–7652–2018–12–91–109 // ЭКО. 2018. № 12. С. 91–109.

Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 30–39.

Крюков В. Наше руководство не знает российской экономики / интервью подготовил А. Механик // Эксперт. 2020. № 12, 16–22 марта. С. 49.

Некпелов А. Влияние глобализации на реаллокацию ресурсов в переходных экономиках. Проблемы теории и практики управления. 2003. № 2. С. 10.

Полтерович В. М. Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 годы // Tetra Economicus. 2020. № 18(1). С. 6–27. DOI: 10.18522/2073–6606–2020–18–1–6–27

Порфирьев Б. Н., Широв А. А., Узяков М. Н., Гусев М. С., Шокин И. Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 4

Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ ВШЭ, 2021. 384 с.

Рогов С. М. Новая холодная война: последствия для российского общества. DOI: 10.31857/S0869587320030196 // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 279–292.

Фирсов И. В. Проблемы нормативно-правового определения понятия «экономическая безопасность российской федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 211–217.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.

Вуеан М. Unions douanieres el donnees nationales. Economie appliquee. 1950. Vol. 3. P. 121–157.

Cowan R., Soete L., Chervonnaya O. Knowledge Transfer and the Service Sector in the Context of the New Economy//MERIT-Infonomics Research Memorandum Series. 2001. Vol. 21. P. 17.

Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. Harper & Row, 1971. 168 p.

Nugent Neill. The EU and the 10+2 Enlargement Round: Opportunities and Challenges in —European Union Enlargement edited by Nugent Neill. PalgraveMacmillan. 2004.

Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam, 1954.

Wessner C. W., Wolff A. Wm. Rising to the Challenge: U. S. Innovation Policy for Global Economy. Washington, DC: The National Academies Press, 2012. P. 26.

Статья поступила 08.04.2021

Статья принята к публикации 02.06.2021

Для цитирования: *Алексеев А. В.* Российский обрабатывающий сектор – пора за флажки // ЭКО. 2021. № 8. С. 104–126. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-8-104-126

Summary

Alekseev, A.V., *Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

The Russian Manufacturing Sector. A Time to Cross the Lines

The paper explains why the Russian economy's strategy of passive embedding into the global economy is unacceptable. The characteristics of national economy transformation into a resource-based economy are considered; the growing irreversibility of this type of development is discussed. It is concluded that the uncritical attitude towards world economy processes is the foundation for the substitution of the basic roles of the state in its economy regulation, the shifting of focus from creating conditions for national manufacturers development to the increasingly strict control of the national goods and services market, which is shrinking under the pressure of the global economy. On the basis of international comparisons, it is made clear that the current investment policy in the manufacturing sector of Russian industry is unacceptable. The author puts forward some solutions to restore manufacturing activities with due regard to the existing financial resources.

Keywords: *global economy; development strategy; institutes; industrial policy; quality of economic growth; manufacturing sector; investment. international comparisons*

References

Afontsev, S.A.(2002). National Economic Security: Towards a Theoretical Consensus // World Economy and International Relations.No.10. Pp.30–39. (In Russ.).

Aganbegyan, A. (2020). How to resume social and economic growth in Russia? *Scientific works of the Free economic society of Russia.* No.2. Pp. 164–182. DOI: 10.38197/2072–2060–2020–222–2–164–182. (In Russ.).

Alekseev, A.V.(2020). On Increasing the Market Value of Fixed Capital in Russia. *Studies on Russian Economic Development.* Vol. 31. No. 5. Pp. 485–494. DOI: 10.1134/S1075700720050020

Alekseev, A.V., Kuznetsova, N.N. (2020). Long Term Tendencies in Industrial Production and Investment Dynamics in Russia. *Investment Process and Structural Transformation of Russian Economy*. Novosibirsk. P. 14. (In Russ.).

Alekseev, A.V., Nefedkin, V.I. (2018). Will public-private partnerships help break the stagnation trap? *ECO*. No. 12. Pp. 91–109. DOI: 10.30680/ECO131-7652-2018-12-91-109. (In Russ.).

Byeau, M. (1950). Unions douanieres et donnees nationales. *Economie appliquee..* Vol. 3. Pp. 121–157.

Cowan, R., Soete, L., Chervonnaya, O. (2001). Knowledge Transfer and the Service Sector in the Context of the New Economy. MERIT-Infonomics Research Memorandum Series. Vol. 21. P. 17.

Firsov, I. (2012). Problems of standard and legal definition of concept “economic safety of the Russian Federation”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii..* No. 7. Pp. 211–217. (In Russ.).

Kryukov, V. (2020). Our Leaders do not Know Russian Economy. *Expert*. No. 12. P. 49. (In Russ.).

Myrdal, G. (1971). *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. Harper & Row, 168 p.

Nekipelov, A. (2003). Impact of globalization on the reallocation of resources in transition economies. *Problems of management theory and practice*. No. 2. P. 10. (In Russ.).

Nugent, Neill. (2004). *The EU and the 10+2 Enlargement Round: Opportunities and Challenges in —European Union Enlargement* edited by Nugent Neill. PalgraveMacmillan.

Polterovich, V.M. (2020). Reform of the State project system. 2018–2019 years. *Terra Economicus*, 18(1), 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27. (In Russ.).

Porfiriyev, B.N., Shirov, A.A., Uzyakov, M.N., Gusev, M.S., Shokin, I.N. (2020). The main directions of socio-economic development of Russia in 2020–2024 and for the period up to 2035. *Studies on Russian Economic Development*. T. 31. No. 3. Pp. 245–253. (In Russ.).

Reinert, E. (2021). *How rich countries got rich*. Moscow. HSE, 384 p. (In Russ.).

Rogov, S.M. (2020). The New Cold War: Consequences for Russian Society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. T. 90. No. 2. Pp. 189–200. (In Russ.).

Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow. Eksmo, 138 p. (In Russ.).

Tinbergen, J. (1954). *International Economic Integration*. Amsterdam.

Wessner, C. W., Wolff, A. (2012). *Wm. Rising to the Challenge: U.S. Innovation Policy for Global Economy*. Washington, DC: The National Academies Press. P. 26.

For citation: Alekseev, A.V. (2021). The Russian Manufacturing Sector. A Time to Cross the Lines. *ECO*. No. 8. Pp. 104–126. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO131-7652-2021-8-104-126